

УДК 81-112.4

Ваганова К.Р.

Московский государственный областной университет

**ПРЕДИКАТ ИЗЫСКАТИ В СИСТЕМЕ РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
(ПО ДАННЫМ «СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА XI-XVII ВВ.»)**

K. Vaganova

Moscow State Regional University

**THE PREDICATE FIND (IZYSKATI) IN THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE
(ON MATERIAL OF THE «DICTIONARY OF RUSSIAN LANGUAGE
11-12TH CENTURIES»)**

Аннотация. В данной статье рассматривается история формирования созначений предиката *изыскати* в системе русского литературного языка, а также однокоренных с ним слов. Материалом исследования послужили словарные статьи из «Словаря русского языка XI-XVII вв.». В результате исследования были сделаны выводы о том, что становление семантических признаков слова осуществлялось постепенно, причём их связанность оказалась предельной; экспликация контекстов розыскного делового языка наблюдается только во второй половине XVII века, когда становится возможной репрезентация терминосистемы «поиск человека».

Ключевые слова: русский литературный язык, розыскная деловая письменность, поиск человека, семантические признаки, отношения ядра и периферии.

Abstract. This article examines the history of the formation of the predicate *izyskati* connotation in the Russian literary language, as well as its cognate words. Entries from the «Dictionary of the Russian Language 11-12th centuries» served as a material for the research. As a result of the study the author comes to the conclusion that the formation of semantic features of the word is gradual, and their coherence is marginal; explication of investigation language contexts is observed only in the second half of the 12th century, when it becomes possible to represent the term system «the search for a man».

Keywords: Russian literary language, investigation writing, the search for people, the semantic features, core and periphery relationship.

Активное формирование понятийного аппарата лексической системы розыскного делового языка началось в период становления русского национального языка. Диффузность этого процесса, на наш взгляд, была максимальной: с одной стороны, разговорные элементы проникали в сферу делового языка, поскольку последний вербализовывал те или иные анти-нормативные ситуации (кража имущества, поиск беглого колодника и т. д.). С другой стороны, сфера делового языка предполагала репрезентацию шаблонных лексико-семантических синкрет, свойственных тому или иному жанру деловой письменности. Такая связанность нескольких стилистических пространств сыграла большую роль при становлении розыскного делового языка.

Как справедливо отмечает О.В. Никитин, «в отмеченный период старый приказный язык уже действовал как слаженный механизм, имевший и вырабатывавший свои установки и распространявший их далеко за пределы административно-правовой области. Вместе с ним росли и развивались функции деловой письменности, чьи нормы складывались на основе

московской приказной традиции <...>. Деловая письменность – и это одно из её основных достоинств – легко адаптируется к внешним факторам воздействия и обслуживает в той или иной степени зарождавшиеся традиции» [3].

Данные факторы предопределили направленность настоящего исследования – проследить становление лексической системы розыскного делового языка, эксплицировать хронологические рамки этого процесса, установив контекстуальные связи между несколькими историческими эпохами и жанровыми вариациями смыслов. Решение поставленных задач возможно только в результате системно-структурного подхода к анализу лексических единиц, определению синтагматических и парадигматических отношений, репрезентированных в различных памятниках письменности.

На этапе первичной структурализации ядерно-периферийных связей в смысловом пространстве розыскного делового языка нами была сформулирована следующая **гипотеза**: доминантную роль играют именно номинации, связанные с «поиском того или иного лица» и так или иначе вербализующие его. Последнее и обусловило обращение к настоящим контекстам.

Цель данной статьи – определение основ формирования созначений полисемичного предиката *изыскать*, становления и функционирования словообразовательного гнезда, вершиной которого является рассматриваемый глагол. Важным оказывается обращение и к историко-лингвистическим словарям, что помогает «выявить типичность/нетипичность/ и регулярность/нерегулярность употребления слова в тексте (контексте). Выявление постоянных и закономерных, а также спорадических и случайных употреблений слова в определённый исторический период на пути становления автономности слова как единицы языка довольно значимо» [2, с. 169].

«Словарь русского языка XI-XVII вв.» фиксирует источники нескольких времен-

ных эпох, что позволяет более точно проследить историю парадигматизации лексико-семантической системы розыскного делового языка. Как было отмечено выше, ядерными оказались такие лексико-грамматические группы, как «номинация субъектов антинормативной ситуации», «номинация объектов антинормативной ситуации», «портретирование субъектов антинормативной ситуации», «предписательные и регламентирующие параметры поиска» и некоторые другие. На периферии, в свою очередь, располагаются «ситуативные признаки (основные/вторичные) антинормативной ситуации», «стилистические параллели в розыском деловом документе». Экспликация тех или иных лексических пространств определялась жанровой принадлежностью делового памятника письменности (в более широком понимании – стилем) и непосредственной соотнесённостью с временной эпохой.

Как отмечает В.В. Колесов, «любая многозначная единица языка может быть стилистическим средством, но в древнерусском языке как раз очень мало многозначных в современном понимании слов» [1, с.18]. В этом случае мы можем говорить об экспликации тех или иных созначений слова, что предполагает репрезентацию системности процессов архаического синкретизма: «Созначения рассыпаны в контекстах, их следует собрать и только после этого станет ясной эстетическая ценность языковой единицы в целом» [там же]. Поэтому мы считаем важным с точки зрения научной значимости определение системы формирования многозначного глагола *изыскати*, а также однокоренных с ним слов.

Итак, предикат совершенного вида *изыскати* ещё в конце XI века стал функционировать со значением ‘*найти, отыскать*’: «Ростислава изискаша в рецѣ и взявше и принесоша к Киеву» (Радзив. Лет., 126 об.). В начале XII века эксплицируется синонимичная с первой сема ‘*обнаружить (в результате расследования)*’: «Святославъ же Олговичъ нача испытывати бояръ ново-

городцкыхъ, и изыскавъ, инЭхъ казни... и инЭхъ укрЭпи крестнымхъ цЭлованиемъ» (Ник.лет. IX, 161) [4, с. 217]. Общим в представленных примерах оказывается семантика результативности, успешность завершения официальных мероприятий по поиску того или иного человека.

Второе значение глагола репрезентирует процессуальность действия, может быть охарактеризовано признаками динамичности и длительности происходящего: «Подобает же ти изыскати себе, аще в чемъ съгрЭшилъ еси ко царю, ему же служиши» (Посл. к нек. чел., Сб. Друж., 104, XVI в.). С точки зрения стилистической идентификации предикату в этом значении была присуща книжная (высокая) оценка, что обусловлено нравоучительно-назидательным контекстом реализации смыслов. Автор обращается к слушающему его с просьбой определения тех или иных внутренних конфликтов и противоречий, когда могут быть эксплицированы разного рода прегрешения не только перед самим собой, но и перед царём.

Охарактеризуем синтаксические особенности данного слова. Предикат *изыскати* – второй элемент составного глагольного сказуемого, поэтому его семантическая связанность с личной формой *подобает* носит обязательный характер репрезентации. В качестве тематических расширителей данной конструкции выступают личное местоимение *ти* в энклитичной форме (левый актант) и возвратное местоимение *себя* в форме родительного падежа единственного числа (правый актант). Первый из них предполагает вариативную репрезентацию: так, «Словарь XI-XVII вв.» фиксирует контекст *дахъ сердце свое изыскати*, в котором роль левого актанта выполняет существительное в форме винительного падежа со значением прямого объекта. Сопоставив их в аспекте тематической общности, можно прийти к выводу о том, что в результате метонимического переноса формируется зона расширения во втором примере. В силу этого точкой пересечения смысловой связанности служит

номинация «человек» (или присущий ему «соматизм»).

Результат поиска представлен в третьем значении предиката – ‘вернуть, возвратитъ (возвращать)’: «Любо изищю мужи новгородьсти и волости, паки ли а головою павалю за Новъгородъ» (Новг. I лет., 199., 1410); «И доходы ФотЭй митрополитъ начять обновляти, и что гдЭ изгибло начять изыскати, или отъ князей и бояръ что изобижено... села, и власти, и доходы, и пошлыны» (Ник.лет. XI, 213). Частотным по-прежнему оказывается словоупотребление в качестве инфинитивного элемента в составном глагольном сказуемом (*начять изыскати*). Форма 1 лица настоящего времени *изищю* характеризуется типичностью функционирования в односоставных предложениях при имплицированном подлежащем.

Четвёртое и пятое значение оказываются синонимичными в истории русского литературного языка: ‘взыскать с кого-либо’ и ‘получить, приобрести’. Семантическая слитность с предшествующими значениями легко эксплицируется при лингвоисторико-ведческом анализе контекстов, представленных в «Словаре...». Форма *изыскомо будетъ* (Корм. Балаш, 329, XVI в.) репрезентирует образование составного именного сказуемого, когда рассматриваемый предикат выступает в качестве страдательного причастия среднего рода в краткой форме. При этом структурные элементы такой синтаксической конструкции по отношению друг к другу находятся в инверсионной последовательности.

Видовой парой к первому и второму значению глагола *изыскати* является форма **изыскивати**. Семантическое определение предиката – длительное действие, результат которого может быть репрезентирован в контексте будущего: «Пришли де они Офонка съ товарищи и старица на Тюмень истинная вЭры изыскивати» (ДАИ VIII, 215, 1679 г.). Приведённый пример действительно иллюстрирует такое значение (поиски веры не могут быть кратковременны). Предложение «сие имянуется еографія, еже изыскивати и

вЭдати всю поднбсную» (Орбис Тер., 143 об. 1685 г.) иллюстрирует значение *‘исследовать что-либо’*.

Интересен тот факт, что в «Словаре...» представлен ещё один глагол несовершенного вида, функционирующий в рамках данной видовой пары. Это форма **изысковати**, которая помимо первой и второй семы глагола *изискати* соотносится и с его четвёртым значением: «Поручено бо им от владыки Христа твердо блюсти я [паству], да ничто от них преступаемо и забвением преминаемо и невзысканием оставляемо, во он день в муках изыскуемо будет» (Гр. Сиб.Милл. II, 278, 1622 г.). Суффикс *-ова-* предполагает репрезентацию значения *‘осуществлять что-либо, находиться в каком-нибудь состоянии, предаваться какой-нибудь деятельности’*. В целом, настоящие примеры иллюстрируют тот факт, что к XVII веку система видовых отношений в русском литературном языке сформировалась.

Категория возвратности также представлена в нескольких контекстах. Так, предикат **изыскатися (изискатися)** функционирует в троичной лексической проекции, где в ядре семантической характеристики слова присутствует значение *‘найтись, оказаться’*, на периферии – значение *‘быть спрошенным’* и *‘быть взысканным с кого-либо’*. Проиллюстрируем это следующими примерами: «Изыскавсья въ веси его сице(въ) волхвъ» (Каз. лет. 208, XVI-XVII вв.), «Много изищеться» (Галл.ев., XIIIв.) и «Аще ли руку не дадят и противятся, да [по вар.] уьбени будутъ, да не изищется смерть» (Лавр. лет. 48).

Отметим, что словообразовательные возможности русского языка в этот исторический период были довольно многоаспектны. Так, например, от основы глагола совершенного вида при помощи суффикса *-аниј-* образуется существительное **изыскание (изискание)**. Оно также функционировало в трёх значениях:

1. *‘Мнение, взгляд, мысль’*: «Ини же тако въвеселяютьс<я> и питутьс<я> премдрстью питаеми, батно изыскание подавающе» (Хрон. Г. Амарт, 231, XIII-XIV~XI в.).

2. *‘Расследование’*: «Бысть въ Троицкомъ Сергиеве монастырѣ счетъ и изыскание по наносу некоторыхъ не боящихся бога ту сущихъ» (Ч. Серг. Р. Аз., 61, 1654 г.).

3. *‘Исследование, изыскание’*: «Въ Тобольску изысканиемъ стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова съ товарищи, о Китайскомъ государствѣ вѣдомость подлинная взята» (Вед. о Кит. зем., 19, 1669).

Каждому из вышеперечисленных значений, на наш взгляд, было присуще контекстуальное словоупотребление. Так, например, экспликация семы *‘расследование’* была связана с обязательностью таких понятийных признаков, как *‘решение возникших проблем’*, *‘поиск какого-либо лица или предмета’*. Сема *‘исследование’* предполагала сопоставленный характер репрезентации и означала обращение к официальным мероприятиям, связанным с теми или иными ситуациями антинормативного типа. И в том, и другом случае общей зоной пересечения оказалось описание реальной модальности в контексте пейоративных начал, присутствующих в деловых бумагах.

От глагола несовершенного вида *изыскивать* образовывалось существительное **изыскивание** со смежной семантикой. Контекст его словоупотребления сохранил статус высокого стиливого содержания, но регулярностью не отличается: «А онъ ... патриарь вѣрѣ христианской изыскивание и исправление называетъ не его государевмъ деломъ» (Д. патр. Никона, 15, 1660 г.) [4, с. 218].

Также в «Словаре...» представлено существительное, образованное по модели, типичной для XV-XVI вв. (**лицо – производитель действия**, названного мотивирующим глаголом): слово **изыскатель (изискатель)**. Грамматическая форма таких слов была типичной – существительные мужского рода с суффиксом *-тель-*. Представленные контексты фиксируют только два значения:

1. *‘Тот, кто находит, открывает что-то’*: «Токмо о изыскателе того нового свѣта о Христофоре Колюмбе подобаетъ и достойно похвалное слово изрещи» (Козм., 447, 1670

г.). Данная сема употребляется только в прямом значении.

2. 'Пытливый человек': «Хытръ издѣтъска бяше зѣло, изискатель весьма» (Хрон. Г. Амарт., 310, XII-XIV вв.). Данная сема, на наш взгляд, была образована на основе метафорического переноса: стремление найти что-либо, обнаружить новые знания, проявив некоторую долю хитрости и лукавства, эксплицируется при оценке человека.

Источниковедческий анализ представленных контекстов позволил нам сделать следующие выводы. В XI-XIII века многозначность контекстов слова *изыскание* находится ещё на стадии первичного формирования. Только к XIV веку ситуация становления семантической базы данной лексемы окончательно урегулируется. Картина семантизации была многомерной и может быть описана в следующих категориально-понятийных координатах: первичным оказывается значение 'мысль', вторичным – значение 'исследование своей души и веры'. Затем на основе метонимического переноса происходит семантическое переразложение, результатом которого является экспликация значения 'исследование окружающего мира в целях разрешения возникшей проблемы'. И, наконец, самостоятельным становится значение 'расследование' как определённое официальное правовое мероприятие.

Таким образом, предикат *изыскати* может быть рассмотрен как «синкретически воспринимаемое единство звучания и напи-

сания, формы и значения, стиля и термина» [1, с.24]. Говорить о терминсистеме в современном её понимании вплоть до XVII века ещё нельзя, поскольку каждое имя было термином, значение одного слова постигалось через значение другого. Экспликация более устойчивых смыслов, лишённых образности, обладающих признаками статичности и повторяемости контекстов, происходит значительно позже – к началу XVIII века. Именно в этот исторический период наблюдается рост антинормативных факторов (многочисленные социальные институты ссылки людей в Западную и Восточную Сибирь), которые и определили становление и формирование системы розыскного делового языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Колесов В.В. Общие понятия исторической стилистики // Историческая стилистика русского языка: Межвузовский сборник научных трудов. – Петрозаводск, 1990. – С. 16-36.
2. Некипелова И.М. Метонимическая деривация как результат утраты семантического синкретизма в истории русского языка // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – №3. – С. 168-181.
3. Никитин О.В. Речевые средства деловой письменности: их функционально-стилистический орнамент [Электронный ресурс] // Слово: Образовательный портал: [сайт]. [2010]. URL: <http://portal-slovo.ru/philology/40206.php> (дата обращения: 29.10.2013).
4. Словарь русского языка XI-XVII вв.: в 28 т. – Вып. 6. – М., 1979. – 363 с.